

**РЕЦЕНЗИЯ / М.В. ИЛЬИН, П.В. ПАНОВ, А.И. СОЛОВЬЕВ,  
О.В. ПОПОВА, О.Ю. МАЛИНОВА НА КНИГУ:  
ГРАЖДАНСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ В РОССИЙСКИХ  
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ /**

**Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская политическая  
энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с. –  
(Политология России)**

Несущий концептуальный каркас рецензируемой книги опирается на результаты исследований, осуществленных в Институте социологии РАН в 2008–2012 гг., а также ряда работ, выполненных под эгидой ИК РАПН по институциональным и гендерным исследованиям и ИК РАПН / РОС по политической социологии\* [Массовые движения, 1990].

Рецензируемая монография стала новым важным вкладом в развитие многолетних исследований, начатых на рубеже 1980–1990-х годов [Массовые движения, 1990] и продолжавшихся в последующие десятилетия. Особенность этой публикации – «утроение» традиционного авторского коллектива, в котором оказались представлены специалисты научных центров и университетов Екатеринбурга, Иванова, Казани, Кургана, Москвы, Перми, Санкт-Петербурга, Саратова, Томска, Тюмени, Уфы, Ярославля.

Надо отдать должное редколлегии (С.Г. Айвазова, Г.Л. Кертман, Т.В. Павлова, В.Л. Римский, Т.Б. Рябова, А.В. Семенов) и титульному

---

\* Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-03-16021 д. Книга получила первое место на конкурсе научных работ Российской ассоциации политической науки 2013 г.

редактору, сумевшим сформировать единую по замыслу и структуре, хотя и не всегда однородную по исполнению книгу.

Намеченный во *введении* угол зрения на изучение отечественного политического порядка связан с признанием того, что «в современной России отсутствует свойственная обществам современного типа дифференцированная сфера политики – сфера артикуляции и согласования интересов и ценностей различных общественных групп через посредство партий, социальных движений и других формирований с тем, чтобы сформулировать общезначимые цели и реализовать политические действия для их достижения». Авторы считают, что «пока точнее говорить о властном пространстве, которое уже не является социумом власти *par excellence*, но еще не стало полем политики», поскольку «устройство российской власти в данном контексте не соответствует модели современного политического порядка, в частности, не выдерживает проверки по современным критериям» (Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.: 8<sup>1</sup>). Это положение в целом отражает полученные в ходе исследований результаты, но, на наш взгляд, невольно огрубляет их. Фактически в монографии показана более сложная, а главное, противоречивая и в силу этого меняющаяся структура политического порядка.

Разработка категории политического порядка и отдельных сосуществующих и взаимодействующих институциональных порядков показала, что фрагментированность российского институционального порядка может рассматриваться как множественность отдельных порядков [Граждане и политические практики, 2011]. Среди этих частных, но крайне важных для понимания специфики политического развития России порядков был выделен, описан и проанализирован так называемый кликократический порядок, который препятствует институциональной интеграции как социального, так и политического. Нельзя не согласиться, что кликократический порядок доминирует и практически купирует консолидацию автономной политической сферы, однако он отнюдь не исчерпывает все богатство институциональных порядков, в том числе связанных с идеями и практиками политической автономности и эмансипации.

---

<sup>1</sup> Здесь и далее указаны авторы соответствующих разделов и страницы книги.

Авторами были сформулированы принципиальные методологические новации, а также оригинальная концепция институциональных ловушек политического развития вообще и ее использования в отечественном контексте [Патрушев, 2011 а]. Фрагментарность российского порядка определяет особую роль кликокрации, которая блокирует возникновение общего порядка более высокого уровня и тем самым «обеспечивает» воспроизводство фрагментарности. Таков механизм возникновения институциональной ловушки. Хотелось бы в дальнейших исследованиях авторского коллектива найти систематический и детальный анализ функционирования ловушки и, что не менее важно, возможных альтернатив ее преодоления.

Фундаментальное значение для всей книги имеет первая глава *«Моральный и социальный порядок»*. Методологически она базируется на классических работах Х. Арендт, К. Шмитта, Ч. Тейлора. Особое место в этом ряду занимает концепция социального воображаемого Тейлора – «представления людей об идеях и нормативных образцах, на которых основаны их взаимоотношения с другими людьми и в целом их существование в социуме». Другая ключевая категория – «моральный порядок» – знания как о фактическом порядке вещей, так и представление о том, как «все должно быть» (Филиппова Л.Е.: 20). Авторы справедливо подчеркивают двойственность отношения между моральным порядком и социальными практиками: моральный порядок лежит в основе практик, но и создается практиками, а также эволюционирует и трансформируется в практиках.

Моральная регуляция не может обеспечить координацию действий в рамках современных институтов. Эту роль призваны играть нормы общей реципрокности – закон и доверие. Опыт демократических стран показывает, что гражданская активность соединяет воедино право и общество, обеспечивает формирование мнения относительно ключевых общественных проблем и социальную интеграцию, воспроизводит политический порядок и укрепляет политическую стабильность.

В книге проанализированы основные компоненты морального порядка – нормы и ценности, бытующие в современном российском социуме – доверие, справедливость, патернализм, сплоченность и др. По каждому из этих сюжетов написано немало, в том числе и авторами данной книги. Но в данной работе, пожалуй,

впервые в российской политической науке авторами, они проанализированы как система. В результате выстраивается «карта социального пространства» современной России, центральное место в ней занимает «сосуществование разнонаправленных тенденций: социальной дезинтеграции макросреды наряду с социальной интеграцией микросред» (Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.: 7). Проявление этого – огромный «дефицит анонимного доверия, который компенсируется гипертрофированным персонифицированным, локальным доверием» (Кертман Г.Л., Патрушев С.В.: 39).

Кликовость, господство персоналистских связей, объясняет многие, на первый взгляд, парадоксальные черты российского порядка. Так, персонифицированный партикуляризм определяет антиуниверсалистские практики законотворчества и законоприменения. Не удивительно, что это ведет к негативному восприятию законов: отсюда «повсеместная убежденность граждан в несправедливости норм российских законов» (Римский В.Л.: 46). Однако одновременно, и, на наш взгляд, это принципиально важно, персоналистский партикуляризм *легитимирует* «внеправовые практики власти», порождая персоналистские связи россиянина с членами властных структур и в целом патерналистский контракт с государством. Возникает «замкнутый круг»: законы *вообще* воспринимаются как несправедливые, но *конкретные* нарушения закона либо действия властей *поверх* закона оказываются вполне легитимными в глазах человека, если они несут ему благо.

Поэтому «социальная практика решений проблем гражданами в неформальных взаимоотношениях с должностными лицами органов власти постоянно воспроизводится действиями обеих сторон этих взаимоотношений», а то, что такие взаимоотношения нередко приводят к коррупции, не останавливает ни граждан, ни чиновников, которые свои должности рассматривают «как личные привилегии, полученные от начальников» (Римский В.Л.: 46, 64). В результате коррупционные практики и этос коррупции поддерживаются и воспроизводятся на уровне государственного управления. «Широкое распространение коррупции укрепляет клики, которые не понимают и не желают поддерживать интересы друг друга» (Римский В.Л.: 63).

Еще один «парадокс» связан с восприятием государства. Социальная дезинтеграция макросреды ведет к тому, что в российском социуме отсутствует общество как субъект. Строго говоря, в

этих условиях субъектность могут приобрести, к примеру, какие-либо партикуляристские группы – например, как это происходит в некоторых других странах, примордиалистские группы (этнические, клановые и т.п.). В России, однако, доминируют не примордиалистские, а персоналистские связи, а они значительно слабее и менее устойчивы. В результате единственным субъектом – причем «моносубъектом» – в восприятии россиян оказывается «Власть». Этим, по большому счету, и объясняется патерналистское отношение к государству (Кертман Г.Л.: 57–58). Вместе с тем кликовая природа социума означает, что государство в своей деятельности руководствуется преимущественно партикуляристскими устремлениями. Иначе говоря, даже если оно всеми силами заботится о своем населении, в партикуляристском социуме это означает не решение проблем «общего блага», а «заботу» об отдельных категориях людей. Решить *все* материальные проблемы *всех* категорий населения государство не в состоянии, следовательно, патернализм неизбежно оборачивается неудовлетворенностью, досадой, недовольством практически *всех* категорий населения. В итоге мы имеем странную комбинацию «слепой веры» в государство-моносубъект (как «должное») и вечной неудовлетворенности государством – «сущим».

Аналогичная картина – с восприятием справедливости. Как отмечают авторы книги, «в современном российском социуме справедливость не имеет единого понимания, поскольку смыслы этого понятия существенно различаются у разных социальных групп». Разумеется, речь не о том, что в обществе должно быть некое унифицированное понимание политики или социальной справедливости. Проблема в том, что в России не сложилась практика (и норма) публичного обсуждения этих вопросов. Так, даже в период общественного подъема на рубеже 2011–2012 гг. «проблема справедливости в ее целостной формулировке... вообще не ставилась, публичных обсуждений этой проблемы не проводилось» (Римский В.Л.: 40, 50). И это (еще одно) «парадоксальное», на первый взгляд, явление вполне объяснимо в логике, которая предлагается авторами книги. Кликовость российского социума, отсутствие общества как субъекта – малоблагоприятная «среда» для дискуссий о справедливости, т.е. выяснения того, что «справедливо» *вообще*, в смысле справедливости как «общего блага», без привязки

к интересам «своей» партикуляристской группы или социальной категории.

Примечательно, что сходно воспринимаются политика и политическое. Авторы книги убедительно доказывают, что в современной России не сложилось «четкого представления о том, что собой представляет политика как специфическая сфера общественной активности» (Филиппова Л.Е.: 29). Сами авторы придерживаются понимания политического в духе Х. Арндт: «Как публичная сфера политика является пространством, в котором люди действуют *сообща* для постановки и достижения общих целей. Другими словами, в политике формируется представление об “общем благе”, стратегические цели для общества и создаются условия для достижения этих целей» (Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.: 14). Из такой трактовки логично следует вывод, что сложившийся в современной России порядок не является политическим, так как в социуме кликового типа «не происходит формирования коллективных (политических) идентичностей», а следствием экспансии персоналистских связей в публичную сферу является «деинституционализация политического» (Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.: 7–8). Вывод достаточно жесткий, что, вероятно, создавало некоторое напряжение и для авторов книги: в ряде случаев они, забывая о заявленной позиции, используют термин «российский политический порядок»; но если «политического» в России нет, насколько уместно это словосочетание?

На наш взгляд, более продуктивным было бы признание возможности «разного (multiple) политического», что в большей мере соответствовало бы «духу» той постановки проблемы, которая заявлена во введении: как представляют граждане политическое пространство в современной России? «Что при этом стоит за понятием политического? Понимается ли оно как сфера различения и согласования интересов общественных сил или как сфера, в которой цели общества формулируются властью, постулирующей свое “единение” с народом?» (Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.: 18). Действительно, как бы тавтологично это ни звучало, понимание политики – пожалуй, ключевой вопрос российской политики, а исследование борьбы за осмысление политического – ключевая проблема политической науки. Данная книга, несомненно, вносит огромный вклад в ответ на этот вопрос.

Одно из центральных мест в работе занимает раздел *«Пространство власти»*, посвященный проблематике, отражающей, по мнению авторов, ядро политики, которая в теоретическом плане рассматривается в качестве общественной сферы, символизирующей жизнедеятельность граждан на основе их «совместности» и «внутреннего согласия» (как друг с другом, так и государством) и предполагающей согласование интересов различных групп населения<sup>1</sup>. Эта в целом романтическая версия политики, опирающаяся на идеи Х. Арендт и ее последователей, развивается авторами таким образом, что в ней усматривается не просто преодоление конфликтов и противоречий, но и установление «демократического порядка» (Т.В. Павлова: 97). Конечно, такое понимание имеет своих оппонентов, для которых основа политики – конкурентные и не всегда консенсуальные – формы взаимодействия власти и гражданских структур. Однако можно утверждать, что предлагаемая трактовка сопряжена с осознанием авторами позитивного значения государства как формы организации «политического сообщества» в целом.

Такой, в общем-то, нормативный подход имеет свои положительные последствия еще и потому, что позволяет авторам связать свои умозаключения с оценкой динамики политических воззрений россиян, их ориентиров и способностей к формированию и практическому проявлению своих политических позиций. Неудивительно, что через все содержание раздела красной нитью проходит дилемма институционального дизайна и политических ценностей. В этом смысле описываемые политические реалии непосредственно затрагивают ментальные основания массового сознания, отношение людей к национальным символам, единству политических сил, имперским основаниям государственной политики и т.д.

Конечно, понимание политики как властного пространства, предназначенного для согласования интересов в условиях фрагментированного социума, по определению ведет к неоднозначным ответам. Но это становится лишним поводом для того, чтобы понять и состояние институционального дизайна, и ведущие тренды массового сознания.

---

<sup>1</sup> В России «политика определяется через власть как «место» функционирования власти, принципиально отличное от остального общества (и в значительной мере враждебное ему)» (Л.Е. Филиппова: 31).

Общие институциональные и властные структуры противодействуют коллективным действиям и превращению тех, кто разделяет общепринятые схемы действия и мышления, в активистов, пытающихся оспаривать существующий порядок. Усилия по преодолению препятствий способствуют сплочению активных граждан, но одновременно делают крайне трудным становление и особенно стабилизацию и трансляцию альтернативных правил и норм, т.е. институционализацию гражданских и политических схем действия и мышления [Патрушев, 2009; Патрушев, 2011 б].

Анализ массовых представлений позволяет авторам не просто констатировать различие норм и ценностей политиков и граждан, наличие разных типов мотиваций или же воспроизводство в массовом сознании традиционных для россиян стандартов и стереотипов (недооценка роли права, травматический имперский синдром, смешение – даже политически активными гражданами – социальных и политических проблем, пассивная лояльность к политическим порядкам и пр.), но и поставить вопрос об институциональных факторах воспроизводства этого типа установок и настроений.

Приоритетное внимание к институтам вполне органично. Авторы исходят из того, что именно их функционирование может создавать в обществе протодемократическое поведение, а впоследствии и провоцировать укоренение соответствующих форм массового сознания. Именно в этом авторы видят предпосылку элитарной ротации и мирной смены авторитарной власти. Впрочем, здесь уместно было бы поставить вопрос и о том, достаточен ли для изучения властных институтов только такой формализованный анализ. Ведь очевидно – о чем авторы пишут в других разделах книги, – что элитарные клики являются едва ли не основными закоперщиками политических решений.

Обращаясь к российским реалиям, авторы признают невозможность понять их специфику, используя зонтичные понятия – демократии и авторитаризма. Методологически важный шаг в этом отношении – солидаризация со взглядами А. Умланды, утверждавшего, что гибридные режимы (в том числе электоральные авторитарные режимы) представляют собой самостоятельные формы правления, обладающие собственными – и непременно специфическими – механизмами легитимации и функционирования (Ершова И.А.: 117).

Анализ российских выборов только подтвердил справедливость данного положения. Исходя из того, что именно электоральные процессы являются основным фактором воспроизводства нынешнего правящего режима, авторы достаточно подробно проанализировали те многочисленные механизмы и технологии, которые применяются российскими властями. Через эту призму обстоятельно рассмотрены и очередные поправки в избирательное законодательство (в том числе и ужесточение законодательства, регулирующего низовую активность граждан), и особенности проводимой властями агитации, и иные инструменты авторитарного манипулирования электоральным процессом. По мнению авторов, именно эти явления и злоупотребления на электоральном поле – и как сопутствующие этому ослабление функций парламента, усиление политического застоя, вытеснение общественных дискуссий из медиапространства, активизация закулисной политики и интригантства – способствуют самосохранению режима и вытеснению за пределы политического пространства избирательных альтернатив.

Убедительно показав ритуальный характер российских выборов, которые не служат механизмом ни политической подотчетности верхов, ни тем более обновления или смены власти, авторы на отечественном опыте подтвердили более универсальные зависимости, в частности, что электоральное авторитарное состязание минимально плюралистично, минимально конкурентно и минимально открыто обществу. Неутешительны и выводы, к которым пришли авторы: внутриполитические договоренности между элитами и «электоральный торг» пришли на место избирательной активности». Воспроизводимая таким образом «архаическая структура российской власти не способствует политической и технологической модернизации» общества (Ершова И.А.: 124–125).

Однако дело даже не в «долголетии» правящего режима. Авторы совершенно справедливо указывают, что практики, обуславливающие утрату гражданами своего статуса политического «арбитра» власти, в конечном счете ведут к утрате заинтересованности людей в контактах с государством как таковым. И это особенно тревожно в связи с тем, что законодательно установленная вертикаль избиркомов до 2018 г., новые фильтры, применяемые властями при организации выборов губернаторов, сохраняя авторитарный контроль Кремля за электоральным процессом, выхолащивают внутренний настрой граждан на изменения в обществе.

Рассматривая сложную конфигурацию институционального дизайна и ценностно-ориентационных представлений россиян, авторы обратились к изучению ряда параметров российской системы власти – протестное поведение и его многочисленные формы; оппозиция (в том числе и радикальная) (А.С. Ваторопин), ее гендерный облик, даже персональные иллюстрации активности отдельных лидеров (Т.Б. Рябова); формы законодательства, регулирующего низовую активность; коррупция; политическая маргинальность (А.М. Вафин) и др.

Авторы предложили немало интересных сравнений наметившихся тенденций с 1990-ми годами, сделали ряд свежих и оригинальных выводов. Например, будущая смена правящего режима и действующего президента связывается с утратой доверия основной части интеллигенции и жителей мегаполисов. Интересна и мысль авторов о способности правящих элит к дезертирству в результате усложнения обстановки (Сергеев С.А.: 140). Показательно, что такие положения находят свое подтверждение и на примере актуальных событий на Украине.

Следуя методологии дифференциации ценностей и практик (на основании отношения граждан к власти), авторы постарались выявить параметры, отличающие лояльно и оппозиционно настроенных граждан. Последние, показывают авторы, более инструментальны по отношению к своим политическим правам и возможностям, доводя их до возможности влиять на государственные решения (лояльные граждане не выдвигают таких требований). Сравнивая ситуации 2009 и 2012 гг., авторы доказывают, что поддержка или оппозиция власти, совмещенная с вовлеченностью в общественно-политическую деятельность, осталась важнейшим дифференцирующим основанием практик и ценностей (Мирасова О.А.: 180).

Показательным является и вывод авторов о том, что коррупция все больше воспринимается населением как норма и правило игры в сложившейся системе власти (Алферова А.Б.: 184–185). Данные социологических исследований подтвердили и незыблемость основных ценностных ориентиров населения: справедливости и порядка, патернализма, прохладного отношения к исполнению законов, существенное распространение имперских настроений и др. (Павлова Т.В.: 100).

Еще более драматичным выглядит вывод авторов о нарастании среди граждан аполитичности и формального принятия ими установленных властью правил. Опираясь на данные обследований, авторы вынуждены констатировать сохранение у большинства людей размытых представлений о власти, использование упрощенных когнитивных схем, укоренение патерналистских представлений. Многие люди не понимают и не признают, что власть является результатом делегирования полномочий и должна руководствоваться запросами населения. Как следствие, запрос к власти носит у большинства населения не политический, а экономический характер, направленный на усиление государственной поддержки и укрепление его роли в экономике. В этом контексте вырисовывается весьма грустная картина: российское общество сегодня едва ли не консервативнее правителей. В силу того что эти тренды связаны с усилиями властей по сохранению авторитарного характера режима, авторы полагают, что используемые средства, прежде всего запретительные методы регулирования гражданской активности, в долгосрочной перспективе ведут к девальвации нравственных ценностей, росту социального недовольства и отчуждению граждан от государства (Баскакова Ю.М.: 206–209, 214).

Рисуя весьма тревожную для демократических перспектив картину, авторы все же надеются на сохранение этих перспектив. Это, по их мнению, связано с сохранением оппозиционного потенциала, наличием у людей творческого начала, с надеждой на то, что лидеры оппозиции смогут предложить внятную общенациональную повестку дня, способствующую консолидации России.

Не все умозаключения авторов представляются безоговорочными и достаточно аргументированными. К примеру, не вполне понятна их позиция в вопросе о легитимности власти. В частности, предлагаемое авторами массовое и элитарное измерения легитимности властных отношений имеет расплывчатый характер, а, по сути, сужает политические воплощения этой формы консенсуса – в том числе и навязанного – между властью и населением. Спорным представляется и утверждение о том, что идущая в стране деинституализация вызвана отсутствием «реальной политической элиты» (Кокарев К.П.: 216). Такой меритократический подход, как нам видится, вряд ли позволит понять перспективы обновления правящего класса.

Тем не менее можно заключить, что авторы убедительно нарисовали картину российской политики, показав зависимость ее эволюции от сложной конфигурации институционального дизайна и массовых настроений и ценностей.

Глава *«Общественная активность и дифференциация гражданского и политического пространств»* не может не вызвать дискуссий, поскольку она посвящена одной из самых якобы очевидных, но и самых острых проблем. С одной стороны, в дискурсе как представителей власти, так и гражданских активистов присутствует идея о необходимости развития в России гражданского общества. С другой стороны, и сами желательные характеристики институтов гражданского общества, и пути его формирования представляются участникам этого процесса совершенно по-разному.

На первый взгляд кажется, что представленные в монографии доказательства существования в России социума клик превращают идею гражданского общества в нечто почти эфемерное. Авторы, оперируя данными исследований ИС РАН и Левада-Центра показывают, что по формальным критериям гражданское общество развивается, но мотивация участия граждан в его структурах достаточно низкая. Кроме того, очень немногие институты гражданского общества оказываются способны к кооперации, крайне низок коэффициент эффективности взаимодействия с органами власти и отстаивания своих интересов в структурах государственной власти. Сложившаяся традиция воспринимать гражданское общество как противостоящее или альтернативное государству крайне негативно сказывается на обеих сторонах (Римский В.Л.: 230). Наиболее предсказуемые последствия – избыточная политизация деятельности институтов гражданского общества, что неизбежно ведет к росту протестной активности, а также снижение эффективности работы органов государственной власти по обеспечению интересов населения. Не случайны в последние годы активные попытки со стороны государства мобилизовать провластные некоммерческие структуры.

В рамках методологии неинституционализма общественное мнение анализируется как институт гражданского общества; в связи с этим обсуждается вопрос о правомерности связывать его существование только с демократическим режимом, определяются основные функции и оценивается возможность его влияния на социальные институты в условиях различных режимов. В условиях

реальной демократии общественное мнение полноценно выполняет консультативную, директивную и экспрессивную функции. В монографии обосновывается тезис о распространенности практик имитации учета общественного мнения в деятельности органов государственной власти, хотя приводятся и многочисленные противоположные примеры, и делается вывод о том, что «общественное мнение находится в стадии формирования в качестве института гражданского общества» (Коновкин Е.С.: 243).

Гендерные разрывы в российском социуме проявляются в целом спектре особенностей политической жизни и, не в последнюю очередь, в электоральном поведении. Из двух альтернатив – тезиса об онтологической заданности «мужской» и «женской» субъектности и тезиса о ситуативной «мужской» и «женской» идентичности, продиктованной социально-историческим и политическим контекстом, – в монографии обосновывается вторая, связанная с задачей конструирования «мы» демократических граждан. Существующая в России гендерная асимметрия включенности мужчин и женщин в различные сферы социума значительно усугубляется распространением в официальном дискурсе и общественном мнении представлений о разделенных гражданских и политических ролях гендерных групп. Гендерные разрывы и асимметрия в сфере власти (особенно это касается пассивного избирательного права и назначения на значимые посты) пока не преодолеваются. Вторичный анализ социологических данных, связанных с выборами, позволяет сделать вывод о существенном гендерном различии в электоральном поведении. Если проявляемое большинством женщин «дисциплинированное» голосование представляется «не столько актом сознательного выбора, сколько привычной, рутинной практикой – чем-то вроде “послушания” старшим», то среди мужчин наблюдается сознательное уклонение «от участия в практиках, которые представляются им либо сомнительными, либо не значимыми для их собственной жизни» (Айвазова С.Г.: 250). Женщин гораздо менее, чем мужчин, привлекают политические формы активности; напротив, мужчины чаще вовлекаются в активные формы политического протеста. В целом в книге фиксируется сохранение в общественном мнении предписаний о «должном» характере позиционирования мужчин и женщин, меньшая политическая ангажированность и большая лояльность женщин власти и т.д., однако величина гендерных разрывов в установках и

поведении все же не позволяет говорить об «онтологических» – мировоззренческих различиях. Вместе с тем характер отношений власти в стране, безусловно, демонстрирует тесную связь властных позиций с доминантной маскулинностью.

В монографии наряду с традиционным алгоритмом анализа социального действия, включающего репертуар тактик, мотивацию индивидов, мобилизующие структуры, предлагается учитывать еще материальный параметр, определяемый режимами собственности. Рассматривается феномен «безбилетника», связанный с пониманием мотивации участия в коллективном действии и зависящий от того, можно ли получить выгоду за рамками коллективного участия, и от того, получает от участия в коллективных действиях пользу отдельный индивид или многие. Отметим точный подход авторов к объяснению причин того, почему состояние жилья, качество и стоимость услуг ЖКХ из проблемы частной становится публичной, может повлечь за собой политизацию сознания и стать причиной очень серьезных политических коллективных действий. Подробно анализируются модели индивидуальных и коллективных действий, учитывающие такие параметры, как направленность, мотивация, способ; предлагается типология доступных видов коллективного действия в рамках формальных и неформальных структур, организующих это действие (Попова Е.В.: 276). В целом использование теорий из области экономики для характеристики коллективного действия представляется достаточно перспективным, равно как и удачные попытки в нескольких разделах монографии использовать теории из самых разных областей знания для объяснения процессов в сфере политики. Впрочем, пространный экскурс в типологию товаров применительно к теме монографического исследования представляется притянутым несколько искусственно, поскольку исследуемые действия касаются далеко не всех видов благ, ресурсов и товаров, которые столь подробно рассмотрены в типологии.

Важным аспектом изучения общественных практик является разграничение действий политических и гражданских активистов. Как показывают исследования, хотя по социально-демографическим параметрам состав этих групп отличается существенно, равно и как их цели, мотивация, формы действий и т.д., для большинства активистов субъективное различие гражданской и политической деятельности предельно размыто. Авторы выделяют

четыре категории – позитивно настроенные и оппозиционно настроенные общественники и политики, проводя подробнейший сравнительный анализ их установок и ценностей. Попытку проанализировать политическую / гражданскую активность носителей определенных идеологических взглядов – сторонников феминизма, монархизма, национализма – можно признать перспективной заявкой на дальнейшее исследование, которое в данной работе было ограничено объемом выборки (что отмечается в книге), а потому не могло использоваться в качестве серьезного обоснования выводов. Но анализ соответствия самооценки политических взглядов и значимых для респондентов идеологических ценностей позволяет сделать очень неожиданные и обоснованные выводы о специфике политического сознания политизированных граждан России (Мирясова О.А.: 295–298). Однако отдельные выводы вызывают сомнение, например, заявление, что «активисты разной политической принадлежности легко объединяются, чтобы выступить против власти» (Мирясова О.А.: 301). Элементарный анализ коллизий взаимоотношений организаторов протестных акций после выборов федерального уровня, например в Санкт-Петербурге в 2011–2012 гг., показывает, что это далеко не так.

Выборы Президента РФ и депутатов в Госдуму (в книге подробно зафиксировано общее и особенное в их организации) в последнем по времени электоральном цикле действительно заслуживают самого пристального внимания аналитиков не только в плане применявшихся технологий, но и с точки зрения реакции на эти технологии избирателей, в том числе и тех, кого традиционно относили к числу абсентеистов. Волна протестов, которая рассматривается как реакция на действия властей (Ершова И.А.: 302–308), в свою очередь вызвала некоторые системные изменения партийной и избирательной систем в 2012–2013 гг.

В развитии региональных электоральных процессов авторы выделяют несколько этапов на основе таких параметров, как «существенное изменение общенациональных условий их протекания... появление новой конфигурации внешних и внутренних акторов и факторов... новые результаты, явившиеся следствием деятельности акторов»: а) 1986 г. – ноябрь 1993 г.; б) декабрь 1993 г. – 1999 г.; в) с 2000 г. по настоящее время (Чувилина Н.Б.: 313–314). В каждом из этапов выделяются внутренние периоды, с подробнейшим описанием их особенностей. Вместе с тем общий

вывод – о высокой степени неопределенности тенденций дальнейшего развития региональных электоральных процессов – явно заужен и не вытекает непосредственно из рассмотренных тенденций 2000–2011 гг.

Исследование проявлений гражданского и политического в профсоюзных практиках исключительно интересно в контексте необходимости разрушить существующие у некоторых специалистов представления об имитационном характере деятельности профсоюзов, а в парадигме постмодернистского подхода – и вовсе об утрате значимости этих институтов в современных политических процессах. Авторы подчеркивают незначительное количество профсоюзных организаций в России, в постсоветский период продвинувшихся от «социального патернализма... к активизации функций представительства и защиты прав работников», а также описывают проявление тех или иных функций этих структур в последние два десятилетия. В качестве case-study проанализирована деятельность Горно-металлургического профсоюза России, выделены четыре типа профсоюзного участия (рациональный, организационный, традиционный и инерционный), сделан вывод о постепенном укреплении рационального участия. Авторы обосновывают тезисы о сохранении активистского потенциала ГМПР и некоторой изменчивости проявления солидарности. Исследователи придают большое значение коллективно-договорному процессу, который «стал лакмусовой бумагой, выявившей, с одной стороны, результативность работы первичных профсоюзных организаций, а с другой – степень социальной ответственности работодателей». Ключевой формой работы остаются переговоры с администрацией, но наблюдается рост обращений в судебные инстанции и в СМИ, а также участия в митингах и пикетах. Наблюдается известный скептицизм в оценке эффективности забастовок. Степень склонности к радикальным действиям связана с возрастом и уровнем материального обеспечения членов профсоюзов. Уровень декларируемой активности работников горно-металлургического комплекса вне профсоюзных рамок значительно выше, чем средний по стране; наблюдается четкая зависимость протестных действий, связанных с социальной тематикой и демократическими правами. Значимы материалы о мотивации участия в профсоюзных акциях и оценке доверия членов профсоюза различным институтам власти. Все это позволило авторам сделать обоснованные выводы о взаимосвязи

профсоюзной активности, гражданского и политического участия, сохранении значительной дифференциации идейно-политических предпочтений членов профсоюза и запроса на политическое представительство (Мирясова О.А., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Цысина Г.А.: 353).

Авторы главы *«Потенциал и векторы перемен»* пытаются разглядеть в российских общественных практиках установки на гражданское поведение. По определению авторов, «основанием гражданской идентичности является потенциальная возможность и уверенность граждан в способности оказывать влияние на принятие политических решений, что предполагает поддержку общественно значимых целей и различные формы политического и неполитического участия» (Патрушев С.В.: 449–450). Ключевой проблемой для формирования такой идентичности являются механизмы преодоления разрыва между частным и публичным, между индивидом и политическими структурами больших сообществ, отношения внутри которых не могут строиться на непосредственно-личных контактах. Наличие таких механизмов является условием развития гражданского общества, которое авторы справедливо рассматривают как «современный тип социетальной интеграции на основе солидарности независимых личностей, связанных коллективными обязательствами с другими индивидами». Данный тип интеграции принципиально отличен от «социума клик», опирающегося на «личное взаимопонимание и доверие, возникающее в микросреде, образованной сетью из устойчивых связей и отношений типа “лицом к лицу”» (Патрушев С.В.: 453, 454). Отношения второго рода «естественно» вырастают из жизненных практик; они также предполагают доверие и уважение к контрагентам, однако исключительно по принципу их статуса в сети. В отличие от «современного типа социетальной интеграции», предполагающего систему коллективных обязательств, связывающих независимых индивидов, «социум клик» не поддерживает институциональный порядок, в рамках которого возможны политические способы принятия управленческих решений через согласование общественных, коллективных и частных интересов, поскольку он ориентирован на принципиально неполитический способ преодоления разрыва между индивидом и большим сообществом. Возникает вопрос: есть ли перспективы трансформации сложившейся структуры отношений между гражданами и государством?

В поисках «векторов перемен» авторы обращаются к анализу протестного движения. Опираясь на обследования ВЦИОМа, они пытаются объяснить резкое изменение состояния протестной гражданской активности в 2011–2012 гг. Выясняется, что причина заключалась не в накопленном уровне неприятия федеральных лидеров — он не был критическим, а скорее в высоком уровне латентного недовольства, которое имеет разбалансированную структуру: если экономическое недовольство накапливается преимущественно на периферии, в селах и малых городах, которые, как это ни парадоксально, формируют основу массовой поддержки власти, то политическое недовольство, выражающееся в низком доверии власти, проявляется преимущественно в столицах и крупных городах. Проблема, однако, заключается в том, что в обществе с «кликковым» типом интеграции это недовольство трансформируется в политические действия, которые с точки зрения «нормальной» гражданской логики выглядят парадоксально: среди недовольных доминируют две стратегии — поддержка власти и неучастие в выборах, голосование за оппозицию выбирают лишь те, у кого «доходит до кипения» (Баскакова Ю.М.: 376–377).

Возникает вопрос: существует ли связь между динамикой недовольства и всплеском протестной активности, вызванным массовыми фальсификациями голосования на думских выборах 2011 г.? На основании анализа данных 2008–2011 гг. ФОМа, ВЦИОМа и Левада-Центра, мониторинга протестной активности, проводившегося на информационных порталах КППРФ и Института коллективного действия, в книге делается вывод об отсутствии прямой связи (Шишкина В.И.: 388). Таким образом, причины изменения состояния протестной активности должны лежать в каких-то иных плоскостях. В частности, высказывается предположение о значимости организационного фактора: если в 2008–2010 гг. распространение протеста по различным направлениям часто происходило без единого организующего начала, то в 2011 г. такую роль на себя взяли институциональные акторы и общественные объединения, примкнувшие к оппозиции.

Поиску факторов, позволивших организовать для широкомасштабных протестных акций доселе незнакомым людям, и причин подъема и спада протестной активности посвящены последующие разделы. Опираясь на исследования ВЦИОМ, в книге прослежено изменение качественного состава участников москов-

ских протестных акций с декабря 2011 г. по июнь 2012 г.: рост с 12 до 28% доли тех, кто не участвовал в выборах в Государственную думу, снижение среднего возраста митингующих (в акции 12 июня молодежи до 34 лет было 60%), сокращение числа рабочих, ИТР, пенсионеров и сотрудников административных органов. Другими словами, имело место «переформатирование протестной силы» за счет мобилизации тех, кто прежде не участвовал в политической жизни (Мамонов М.В.: 393, 396, 397). Причины спада протестной активности в регионах России, согласно результатам экспертного опроса, состояли в том, что, справившись с задачей создания информационных поводов, организаторы протестного движения так и не смогли ни сформулировать конкретный запрос в адрес власти, ни предложить варианты решения актуальных социальных проблем, а выдвинутые ими политические лозунги не были приоритетными для большинства населения (Соколов А.В., Фролов А.А.: 408). На примерах кампании «Стратегия-31» и протестного движения «Синие ведерки» анализируются практики сетевой организации гражданских акций и стратегии противодействия протестам в Интернете (Соколов А.В., Кириллова Е.В., Фролов А.А.: 413–426).

Почему протест не стал социальным движением? Наблюдения в Тюмени выявили перелом настроений: после первой волны протестных акций ожидание перемен сменилось разочарованием, а солидарность с другими регионами превратилась в отчуждение. Причины такой динамики усматриваются, во-первых, в изменении контекста: после президентских выборов стало труднее трансформировать «гражданские» чувства в политические требования; и, во-вторых, в особенностях локализации протеста: национальная кампания декабря 2011 г. превратилась в кампанию крупных региональных центров. И все же хотя «публичная протестная активность в большинстве городов сошла на нет, она явно не осталась бесследной» (Лобанова О.Ю., Семенов А.В.: 446).

Авторы, к сожалению, не всегда дают ответы на, казалось бы, открыто поставленные вопросы (например, о факторах самоорганизации). Некоторые «сюжетные линии» обозначены, но не доведены до логического конца, некоторые, на наш взгляд, очевидные вопросы даже не ставятся. К числу таковых относятся, например, коммуникативные аспекты гражданского и политического взаимодействия. В частности, отмечается роль «агитационно-

пропагандистских феноменов, позволяющих деформировать восприятие индивида и его навыки одновременного просмотра и трезвой оценки альтернатив» (Баскакова Ю.М.: 355–356). Однако авторы не пытаются оценить влияние этого фактора на протестную активность и ее восприятие населением. Тем не менее обобщенные в монографии наблюдения многое дают для понимания феномена протеста в России. Они свидетельствуют о наличии некоторого потенциала развития гражданских и политических практик.

Достаточно нетипичным является включение в монографическое издание, да еще и в самом конце работы, методического раздела. Однако внимательное прочтение главы *«Методы политико-социологического анализа»* отменяет все сомнения в целесообразности такого решения редактора, поскольку в данном случае мы имеем дело с изложением результатов эмпирических исследований в области политических установок и политических практик с предельно корректной демонстрацией того, какие аналитические технологии для получения этих результатов используются / могут быть использованы, какие теории среднего уровня следует считать наиболее релевантными в настоящее время. Кроме того, данный раздел показывает и перспективные направления исследования политического сознания и поведения.

Для России острейшим остается вопрос о потенциальной эффективности курса на модернизацию. В параграфе «Политические предпочтения и моделирование установки на модернизацию» дан развернутый обзор теорий социальных изменений, показано, каким образом в эту линию вписывается теория модернизации, и предлагается авторский вариант анализа ситуации в России с точки зрения отношения социума к необходимости / потребности в модернизационных проектах. Причины принципиальных отличий в отношении различных групп населения к процессам модернизации усматриваются в существенной культурной дифференциации социальных слоев, связанной как с особенностями социализации в «традиционных» и «современных» обществах, так и с системой социальных отношений в них. Потенциальная конфликтность ситуации в стране коренится в дифференцированном отношении к процессам модернизации групп, относящихся соответственно к традиционной и современной социокультурной моделям, которые рассматриваются как некие идеальные типы. Предложенная методика оценки уровня культурной модернизации респондента опира-

ется на выяснение его реакции на определенные суждения, характеризующие базовые принципы традиционного и современного общества, по пяти субшкалам: отношение к различным моделям семейной и экономической жизни, отношение к равенству, нормам политической жизни, а также к «другому». Четыре социологических замера с 1992 по 2012 г., в которых принимали участие представители «последнего советского» и «первого постсоветского поколения студентов», убедительно показали рост уровня модернизации культуры в целом и в отдельных сферах жизнедеятельности среди более молодых респондентов. Дополнительные расчеты свидетельствуют, что «различия политических симпатий у полярных по уровню модернизации культуры групп сохраняются» (Вассерман Ю.М.: 473), однако общим является тренд в сторону либерализации политических взглядов и предпочтений.

В параграфе «Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений» рассмотрены возможности использования традиционного научного подхода и статистических методов для выявления психологических особенностей групп респондентов. Использованный метод основан на совместной обработке данных социологической анкеты респондентов и их психологических тестов. При этом задача изучения локальных эмпирических классификаций решается не с помощью кластерного анализа, а на основании множественного сравнения объектов, сформированных в группы по ответам одновременно на несколько вопросов. Номинальные переменные рассматриваются как «внешние факторы, благодаря которым объекты исследования разбиваются на пересекающиеся или непересекающиеся группы, которые можно подвергнуть процедуре множественного сравнения, описывая их набором всех имеющихся (или содержательно из них отобранных) интервальных параметров» (Басимов М.М.: 475). Иллюстрируют эффективность данной аналитической технологии социально-демографические и психологические профили наиболее типичных сторонников различных политических партий, их отношение к российским политикам и институтам власти. Кроме того, оценивается и роль источников информации в формировании отношения к этим политическим институтам. Не ставя под сомнение значимость предложенного подхода, заметим, что при знакомстве с ним невольно возникает вопрос о возможности поиска более про-

стого (с меньшим количеством используемых процедур и шагов) способа решения предложенной аналитической задачи.

Обращение к категории «стиль мышления» в параграфе «Стилистический подход» – не просто попытка реконструкции взглядов по этому поводу К. Манхейма, но и обоснование тезиса, что «стиль мышления может стать эффективным инструментом эмпирической социологии» по выявлению когнитивных трендов групп интересов, включенных в политическую деятельность (Сokolova К.А.: 500). Не давая конкретных методических рекомендаций, автор обращает внимание на возможности дискурс-анализа в решении этой аналитической задачи. Представленный здесь материал ценен, на наш взгляд, прежде всего глубоким прочтением работ К. Манхейма и бережным отношением к его научному наследию.

В параграфе «"Конфликтная политика": от анализа кризисов к изучению процесса» внимание читателей фокусируется на динамике трактовок исследователями феномена социальных, в том числе протестных, движений с середины XX в. до наших дней. Оценка характера взаимоотношения игроков в статической модели политики Ч. Тилли дополняется типологией структур политических возможностей политических акторов и концептуальными подходами анализа ресурсов и структур протестной мобилизации. В книге высказывается сомнение в том, что актуальное знание механизмов трансформации недовольства в протест может быть с достаточной степенью надежности объяснено с позиции теории фреймов (Никифоров А.А.: 514–515). Тем не менее в общем выводе обосновывается возможность на основе регулярного мониторинга интернет-ресурсов отслеживать динамику конфликтного политического дискурса представителей протестных групп и движений, реконструируя ценности протестного дискурса и проблемы, обладающие максимальной мобилизующей силой. В работе подчеркивается, что в современной науке исследователи концентрируются не на попытках создания некоей всеобъемлющей универсальной теории протестного движения или революции, а на поиске более точного объяснения функционирования механизма возникновения и развития политического протеста.

В заключение отметим, что благодаря результатам ряда исследовательских проектов РГНФ и РФФИ, положенным в основу рецензируемой монографии, удалось создать качественный научный продукт, что свидетельствует, на наш взгляд, о достигнутом

отечественной политической наукой общем уровне изучения актуальных проблем России.

### Список литературы

- Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред.-колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 325 с.
- Массовые движения в современном обществе / Отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Наука, 1990. – 198 с.
- Патрушев С.В.* Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования // Полис. – М., 2009. – № 6. – С. 24–32.
- Патрушев С.В.* Гражданская активность как фактор модернизации // Модернизация и политика в XXI веке / Отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: РОССПЭН, 2011 б. – С. 262–275.
- Патрушев С.В.* Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. – М., 2011 а. – № 6. – С. 120–133.